

Арина Ларина

Теща ищет
себе зятя

С улыбкой
о любви

С улыбкой о любви

Арина Ларина

Теща ищет себе зятя

«ЭКСМО»

2012

Ларина А.

Теща ищет себе зятя / А. Ларина — «Эксмо», 2012 — (С улыбкой о любви)

Вероника в отличие от подруг никогда не стремилась замуж. Но вот ее родительница очень переживала по поводу того, что дочь не пристроена, обзывала кулемой и использовала любую возможность познакомить ее хоть с кем-то – так директор овощной базы стремится сбыть лежалые бананы, уверяя, что они еще вполне пригодны к употреблению. Наконец Вероника устала сопротивляться и согласилась познакомиться с очередным женихом, которого нашла неугомонная мамаша. Оказалось, это был правильный ход – судьба в награду подкинула Веронике подарок, которого она и не ожидала...

Содержание

* * *

5

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Арина Ларина

Теща ищет себе зятя

* * *

Утро должно начинаться позитивно и солнечно. Любимый мужчина приносит чашечку кофе. За окном поют птички и плещется океан. Даже если и не океан, то пусть просто шелестят деревья. Впереди замечательный день, наполненный милыми дамскими заботами: салон красоты, бутики, ресторан, клуб...

А что делать одинокой большеглазой шатенке, приближающейся к тридцатилетнему рубежу, если ее утро началось с дождя за окном и пронзительного звонка в дверь? А за дверью, между прочим, вовсе не Антонио Бандерас с кофе, а подруга Лариска с очередной бредовой затеей. И из вышеупомянутого гламурного списка в планах на день значился продуктовый бутик шаговой доступности.

Увидев гостью в «глазок», Вероника отчаянно зевнула, с подвыванием и хрустом в челюсти, и защелкала замками.

– Донецкая, у меня идея! – Лариса влетела в прихожую, шумно отряхиваясь и одновременно стягивая мокрую одежду. Зонт, с которого текло, она сунула Веронике в руки. – А чего ты в ночнушке? Спала, что ли? Ладно, неважно! Я тут такое придумала!

Надо сказать, что идеями Лариса фонтанировала регулярно. Будучи барышней тощей, нескладной и слабо востребованной противоположным полом, мадемуазель Барабанова предпринимала хаотичные попытки найти свое место под солнцем. Ларису страшно пугала перспектива прожить жизнь скучно и серо, поэтому она исступленно искала эксклюзивные варианты времяпрепровождения. Самым безобидным в бурной биографии Ларисы Барабановой был перформанс в центре города, когда она с какими-то художниками пела песни в голом виде, нарядившись лишь в коробку из-под телевизора. В этой коробке Барабанову и выдали прибившей за ней в отделение Веронике. Помимо поиска приключений жизнь Ларисы состояла из написания курсовых для нерадивых студентов и фантазий о будущей семье. Замуж Барабанова желала выйти непременно за эфиопа или чукчу, чтобы не соскучиться и открыть для себя много нового. К тому же была уверена, что жить под пальмой или в чуме гораздо интереснее, чем в унылом мегаполисе.

«И детишки будут здоровые. Там же экология!» – нравоучительно объясняла она Веронике, которая всякий раз при новой задумке впадала в панику.

Сама Вероника хотела простого семейного счастья с непьющим и негуляющим интеллигентом. Хотя, по нынешним меркам, это было даже экзотичнее эфиопа, поскольку вышеназванный интеллигент должен был мало того что влюбиться в нее без памяти, так еще и Вероника должна была почувствовать взрыв чувств и любовь с первого взгляда. Она и сама уже давно поняла, что слишком многого хочет от жизни. Но мечтать не переставала.

– Поехали на Гоа! – выпалила Барабанова, победоносно глядя на подругу. – Я уже все продумала. Питаться там можно фруктами, они везде растут. Плюс можно присоединиться к группе наших и заняться медитацией, впасть в нирвану и познать смысл жизни. Короче, будет весело! Там мужики такие – ух! Всекие разные. В духовном смысле, конечно.

– Да уж, – покачала головой рассудительная Вероника. – Только у меня отпуск до начала сентября. А дальше я в нирване не смогу.

– Да ты и не захочешь на свои курсы дурацкие возвращаться! Разве это работа – преподаватель? Это ж мутная и унылая бытовуха! А там зелень, океан, нирвана! – Лариса наматывала

круги по кухне, на каждом очередном витке выхватывая из вазочки очередную печенюшку. Барабанова очень любила поесть, однако была тощая, как швабра.

– Ты там на фруктах долго не протянешь, – возразила Вероника. – И вообще – дорогая затея. На какие шиши ехать-то?

– Так я ж говорю – все продумано! Пока ты тут дурью маешься и попу наедаешь, я все выяснила. Можно взять кредит на путешествие, билеты, визы.

– А как отдавать? И на что там жить? – бдитительно вернула Ларису в реальность подруга.

– Донецкая, ты зануда! Да никак! Там найти мужика и свалить на него все проблемы. Учись быть женщиной, а не бульдозером! Я ж говорю, на Гоа столько мужиков, и все на позитиве. В этом раю отсутствуют всякие мешанские условности.

– Представляю этих любителей нирваны и медитаций. Они небось тоже балдеют там в счет кредита. Иначе сидели бы в городе и работали в офисе, а не фрукты с деревьев жевали, как обезьянки.

– Вероника, ты не понимаешь, от чего отказываешься! – воскликнула Лариса. Одной отправляться на далекий Гоа ей было страшновато. – Я тебе фотки пришлю и проспекты! Ты тоже заболеешь этой идеей. Посмотри в окно!

Вероника покорно проследила за барабановским пальцем с накладным зеленым ногтем.

– Дождь, ветер, сплошная грязь и тоска! А там – небо синее, море синее, бананы желтые, – заливалась соловьем Лариса. – И все это будет твоим. Ты сольешься с природой! Ощутишь гармонию. Тебе откроется космос.

– Ты мне напоминаешь теток с нездоровым блеском в глазах, которые шатаются по городу с брошюрками и заманивают наивных дур в свои секты. Барабанова, отвяжись! Если хочешь, я тебе чаю с печеньем дам. Но только при условии, что ты не будешь ездить мне по ушам своим Гоа.

– Дай чаю, – приуныла Лариса. – Мне тебя жаль. Ты бродишь по болоту и не видишь туннеля, в конце которого свет.

– Свет в конце туннеля видят те, кто умирает, – ухмыльнувшись, напомнила Вероника. – Жуй печенюшки и не пугай меня. Медитируй дома. Это безопаснее. И кредит отдавать не придется.

Когда Барабанова, поворчав о тленности бытия и глухой стене непонимания, наконец-то ушла, Вероника угрюмо уставилась в окно.

А вдруг Лариска права? Ведь жизнь проходит, и ничего не случается. И в чем тогда смысл? Для чего мы все появляемся на свет? Чтобы суетливо бегать по заранее заданной траектории в табуне себе подобных? Десять, двадцать, пятьдесят лет проходят, а потом выясняется, что все самое хорошее и светлое с тобой случилось в детстве. А дальше началась какая-то ерунда – тягучее и безвкусное существование, похожее на столовский кисель.

Вероника всегда терпеть не могла кисель.

А сейчас барахталась, завязнув в липкой массе, как муха. И вроде крылья есть, и весь мир перед тобой, но не взлететь.

Может, и правда поехать на Гоа? Хотя попробовать жизнь на вкус – настоящую, а не этот надоевший порошковый заменитель, который приходилось хлебать до сих пор.

* * *

Фабричная жизнь бурлила. У старых, обшарпанных корпусов курили стайки юных и не очень работниц в видавших виды халатах. Весело переговаривались мужики где-то за грязными окнами подсобок. В приоткрытых пластиковых окнах административного здания солидно колыхались жалюзи и неспешно переговаривалось мелкое и крупное начальство.

Это был маленький мир со своими правилами, порядками и законами. Муравейник со своей иерархией. Многослойный бутерброд с сочной котлетой в середине, обложенной второстепенными продуктами и приплюснутой с двух сторон необязательной булкой.

Высокий, крепкий парень размашисто шагал через фабричный двор, ловко перескакивая через лужи. Он знал, что все девицы, мимо которых он проходил, затихают и млеют, надеясь на внимание холостого красавца. «Котлетой» улыбчивый, коротко стриженный инженер не был, но и от положения «булки» тоже был далек, как Колыма от Черноморского побережья. Простушки, пусть даже симпатичные, его не интересовали. Для чего-то серьезного они не годились в принципе, потому что женщина должна быть не только приятной на ощупь, но и интересной собеседницей. С ней же еще и поговорить иногда захочется, посоветоваться... Как можно советоваться, например, с грудастенькой, крепкой Зойкой из пятого цеха или с Аленькой из столовой, Миша Романов не представлял. Достаточно было взглянуть в их пустые, старательно подведенные глазки, и сразу становилось ясно – все достоинства на фасаде. Никаких скрытых изюминок там не было. Среди коллег имелись интересные собеседницы, но не было подходящих ему по внешности. Более-менее интересным экземпляром можно было считать секретаршу директора, Галину, но ходили слухи, будто барышня уже приватизирована высоким начальством. Да что там слухи! Миша и сам видел не раз, как директор фривольно хватается за сотрудницу, подсаживая ее в свой автобусоподобный джип.

В последнее время Михаила Романова очень волновала дочка Светланы Петровны, начальника отдела продаж и по совместительству правой руки шефа. Сначала он издали увидел стройную русалку с распущенными волосами, рассеянно прохаживавшуюся у проходной. Потом, под каким-то предлогом напросившись к Донецкой в кабинет, рассмотрел фею в деталях на фото.

– Дочка моя, – похвасталась Светлана Петровна, перехватив его заинтересованный взгляд. – Умница, красавица.

– Королева, – подольстился к мамаше Романов.

– Принцесса, – нежно улыбнулась та, бережно смахнув с рамочки несуществующую пыль, и пояснила: – Не замужем пока.

– Кавалеры, наверное, так и вьются? – стараясь скрыть личную заинтересованность, подыграл ей Михаил.

– А как же, – слегка помрачнев, кивнула Светлана Петровна. – Еще как вьются.

Ее замешательство и тень, набежавшую на начальственное чело, Миша отметил.

«Интересно, – размышлял он, покинув кабинет после торопливого, но теплого прощания: не следовало давить на Донецкую сразу, чтобы не вызвать подозрения. – Чего она так скисла? То ли женихов на самом деле нет, что вряд ли. То ли с дочкой что-то не так. То ли жених есть, но мамашу не устраивает. Тогда, интересно, какие именно критерии отбора зятьев у нее ключевые?»

Это был скользкий и спорный вопрос. У Миши кроме плюсов имелись и весьма весомые минусы. И еще неизвестно, что для такой тещи перевесит. Он был хорош собой, без особых изысков, однако вполне приятный – крепкий, накачанный, высокий, с доброй, но простоватой физиономией, непростым характером, но готовностью искать компромисс. В общем, все бы ничего, но на другую чашу весов неподъемной бетонной плитой давил самый страшный Мишин минус – отсутствие жилплощади. Прописан он был в фабричном общежитии, что сначала его страшно радовало. Городская прописка, работа в неплохом месте – о чем еще можно мечтать простому сельскому парню? Но вскоре выяснилось, что городские девушки сразу начинают подозревать в Михаиле корысть, принимая его искреннюю любовь за желание непременно ввинтиться в их квадратные метры и осесть там, начав размножаться. Ладно бы эти претензии исходили от родителей, так ведь и сами девицы имели наглость озвучивать подобные подозрения. Так Михаил, изначально не планировавший ничего особенного, кроме тихого

семейного счастья, стал задумываться о большем. Раз его все равно подозревают, так почему бы и не заняться поиском городской невесты? Тогда не придется выбивать комнату в семейном общежитии, копить на ипотеку и жить всю жизнь в долг. А чем он плох-то? Влюбится в него какая-нибудь подходящая девушка и решит сразу все материальные проблемы.

Но это оказалось не так-то легко. Девушки были. И даже с избытком! Только они либо сами были из общежития или со съемным жильем, либо не подходили внешне или внутренне. В общем, написали на бумаге, да забыли про овраги. Ничего не получалось, а ведь Миша был готов любить пылко и искренне.

Потоптавшись у административного корпуса, он вздохнул и решил дожидаться, пока Донецкая соберется на обед. Жизненный опыт подсказывал, что лучше всего воздействовать на девушку через родителей. Где недожмет он, может дожать настырная мама. Тем более что у мам, как правило, доступ к выносу девичьего мозга открыт круглосуточно.

Женщины непредсказуемы. Они видят подвох там, где его нет, и не замечают очевидного.

Светлану Петровну насторожило Мишино внимание. Она начала сильно напрягаться и пытаться прочитать на его гладком лбу комментарии к странным ухаживаниям, а также и умудрилась принять эти знаки внимания на свой счет. А все потому, что нахальный инженер перегнул с комплиментами. Ведь Михаил был уверен, что комплиментов много не бывает. И чем старше дама, тем больше их нужно. В результате Светлана Петровна уползла в свои опасения, как черепаха в панцирь, и никакими одуванчиками ее было оттуда не выманить.

Надежда поймать русалку уплывала из рук.

– Светлана Петровна, – перестал церемониться Миша. – Что я все вокруг да около хожу...

– Действительно, – опасливо пробормотала Донецкая, слабо представляя, чего ждать от напористого парня. – Чего это вы все ходите?

– Дочка мне ваша очень понравилась!

– Да?! – Светлана Петровна захлопала глазами и басовито засмеялась: – Ничего себе заявка.

– Да, вот так. Решил без дипломатии. А то чувствую, что между нами растет стена недопонимания.

– Растет, – согласилась Донецкая, мучительно соображая, радоваться или бежать прочь от столь заманчивых перспектив.

Прикинув все «за» и «против», она решила придержать Мишу на крайний случай, но не обнадеживать. Про его жилищные проблемы она была прекрасно осведомлена, а зять без жилплощади ее, как и остальных городских мамаш, тоже не особо прельщал. Да и зарплата у фабричного инженера... В общем, не о таком мечтала Светлана Петровна.

– Вот что, Миша. – Она задумчиво ткнула длинным ногтем в пуговку на его рубаше. – Не торопи события. Подожди пока.

– Хорошо, – с готовностью кивнул Михаил, подавившись вопросом про сроки.

– Вот и ладненько. Договорились, – кивнула Донецкая и уверенно удалилась, даже не оглянувшись.

Озадаченный инженер терялся в догадках: о чем же они в результате договорились?

* * *

В прихожей хлопнула дверь. Что-то грохнуло, треснуло, и в Вероникину сторону простучали тяжелые каблуки. Судя по ритму стука, маменька вернулась не в духе. Она всегда сердито шла решительной поступью, если что-то шло не так.

Светлана Петровна на фабрике была большим начальником. И, как все начальники, терпеть не могла, когда что-то ей не подчинялось. На работе все ходили по струнке, отработанный десятилетиями механизм функционировал без сбоев, но за пределами служебного кабинета кипела жизнь, которая была ей неподвластна. Поэтому и кипела эта жизнь в чужих кастрюльках, и брызгалась без разрешения, и убегала без резолюций.

– О чем мечтаем? – устало спросила мама, бросив на диван сумочку.

Назвать этого монстра, вместимостью литров семь, «сумочкой» можно было лишь с натяжкой. Кроме косметички со всякими женскими штучками Светлана Петровна таскала там пару килограммов разнообразных документов, здоровенный калькулятор, термос с кофе, ежедневник, сильно смахивавший по размеру на «Войну и мир», связку ключей весом с кирпич и прочую дребедень, без которой не обойтись. Поэтому сумка шлепнулась на диван как снаряд, едва не прибив в полете Веронику.

– О смысле жизни. – Дочь, опасливо подобравшись, пересела.

Мама снимала туфли с массивными каблуками, а туфли она, будучи не в духе, тоже любила эротично расшвыривать по помещению.

– Плохо. Люди, которые думают о смысле жизни, быстро спиваются, – пригорюнилась маменька.

– Почему?

– Потому, Никуся, что в жизни смысла нет. Поэтому от поисков того, чего нет, начинает ехать крыша. А поехавшую крышу можно остановить алкоголем. Он снимает стресс и позволяет расслабиться. Пара рюмок – и смысл жизни только в закуске. Все остальное останется за шторкой сознания.

Маму потянуло на философию.

– Свидание прошло неудачно? – осторожно поинтересовалась Вероника.

Светлана Петровна горестно вздохнула и выплюнула в пространство:

– Все мужики – потребители! Они потребляют либо твою молодость, либо твои деньги, либо твои нервы. Это пиявки. Нет, клопы! Они сосут нашу кровь и годы, сжирают красоту, обгрызают наши надежды...

– Мам, что, прям так все плохо было? – Вероника сочувственно погладила ее по плечу. Судя по лексике, кавалер выкинул нечто запредельное.

– Он денег попросил. Представляешь, мы ж не на улице познакомились! На корпоративе у партнеров! А оказывается – я его сняла! Он так и сказал. Да ко мне по свисту десять таких прибегут и еще счастливы будут, что их позвали. – Светлана Петровна нахмурилась и отвернулась.

Обе знали, что никто к ней не прибежит. Когда тебя в очередной раз подводит мужчина, остается только бодриться и заниматься аутотренингом.

Вероникин отец бросил маму еще в период беременности. У него была где-то семья, свои дети, и юная провинциалка быстро стала обузой. А уж ее живот и вовсе кавалера не обрадовал. Он выдал Свете денег на нехитрую операцию и растворился в тумане времени. А Света пробилась, как росток, закатанный под асфальт. Предательство закалило ее и научило главному: никогда не отчаиваться. Она и не отчаялась. Спустя годы Светлана Петровна использовала все связи, чтобы найти Вероникиного отца и посмотреть, что с ним стало. Ну, если уж быть откровенной – заодно и плюнуть в его наглую рожу. Заслужил.

Ничего не вышло. Да и попробуй найти какого-то там Васю, ни фамилии, ни места работы которого не знаешь!

В молодости Светлана Петровна была идеалисткой, уверенной в том, что ее половинка еще не нашлась, но вот-вот найдется. В двадцать лет ей казалось, будто все еще впереди. К тридцати стало тревожно. В сорок – грустно. А в пятьдесят – ясно, что поезд уходит и надо

запрыгивать в последний вагон. Только двери последнего вагона захлопывались прямо перед носом.

– Ника, не будь такой дурой, какой когда-то была я, – резюмировала Светлана Петровна, выудив из сумки носовой платочек и промокнув под глазами. – Не жди принца. Ищи нормального, более-менее подходящего и волоки в стойло, корми сеном и паши на нем огород. Иными словами, не прозевай, заломай и приручи, даже если будет брыкаться. Не надейся, что у кого-то из этих самцов проснется к тебе неземное чувство. Они потребители и ни на какие чувства не способны. Главное, чтобы он тебе подходил, а не ты ему. Мужика можно вообще не спрашивать, а ставить перед фактом. И не сомневайся – он поверит. Им безразлично, с кем жить, потому что все равно будут норовить свалить налево. Они ведомые, поскольку до старости – инфантильные младенцы как в эмоциональном, так и в моральном плане. Мужик все время будет от тебя чего-то ждать, но при этом делать все по-своему. Так вот, подбери наименее своенравного, чтобы не сильно осложнял жизнь.

– Это как в анекдоте про козла, – улыбнулась Вероника. – Сначала заведи козла, потом выгони и поймешь, как стало хорошо. При таком подходе, мне кажется, мужик будет лишним. Я уж лучше сама как-нибудь.

– Я так и знала, что анатомию ты в школе учила плохо, – насупилась мама. – Мне внуки нужны. И как ты собираешься сама это решать?

– Дурное дело нехитрое. На один раз найдется кто-нибудь, – мудроотреагировала дочь. В нее немедленно полетела подушка.

– Надо искать такого, от которого дети будут умные, интеллигентные и красивые! – воскликнула Светлана Петровна. – А такого следует вдумчиво подбирать. Вот Олежек, например! До чего ж мальчик хороший. Я бы такому зятю только рада была. И мама его к тебе неплохо относится. Мы с ней тут болтали на днях...

– Мама, а ты не могла бы не влезать в мою жизнь так настойчиво? – вспыхнула Вероника. – Я не собираюсь опошлять отличную дружбу разговорами о воспроизведении потомства!

Кульминации скандал не достиг, поскольку был прерван телефонным звонком.

– Ой, Женечка, рада тебя слышать, – пропела сказочным колокольчиком Светлана Петровна, погрозив кривляющейся дочери кулаком. – Как у вас дела?

В ее тоне звучала надежда на то, что дела у собеседницы не ахти и сейчас та порадует ее жалобами на жизнь. Но, судя по быстро скисшему выражению лица, у Женечки все было отлично.

А раз у Женечки отлично, то и Светочка в долгу не останется.

Вероника забралась в кресло с ногами и приготовилась к спектаклю.

Евгения Валентиновна была маминой двоюродной сестрой. Еще в детстве они соревновались во всем: у кого больше пятерок, короче юбка, старше парень, дороже платье. С годами соперничество переросло в завуалированное противостояние, когда каждая из дам норовила подпрыгнуть в жизни выше и плюнуть на макушку другой, не переставая вежливо и доброжелательно улыбаться. У этой скрытой вражды не было причин, что не мешало ей существовать и процветать, как плесени в сыром подвале.

Самым обидным для Светланы Петровны являлся тот факт, что у Женечки имелся муж – пусть унылый, скучный и занудный, но муж! Когда женщина хочет себе что-то доказать, она это с легкостью делает. Чтобы не переживать столь сильно из-за замужества соперницы, Светлана решила, что лучше уж никакого, чем такой. Дефектов в чужом муже, как в щуке костей. Было бы желание найти. Григорий Федорович был невзрачен, небогат, неостроумен и скучен в компании, да еще и попил. В общем, не мечта. Но иногда, когда ломался кран в

ванной, перекашивало дверь или нужно было передвинуть тяжелый шкаф, Светлана тосковала и неохотно признавалась себе: был бы хоть какой, а потерпеть можно. Все же женщина создана для семьи. И отсутствие мужа делает ее беззащитной не только перед бытовыми неурядицами, но и перед обществом.

Именно эту светлую мысль она и пыталась вбить в голову дочери.

– Да ты что? У Юленьки кавалер – бизнесмен? Ох, это, конечно, хорошо, но опасно. Где большие деньги, там много проблем. – Мама многозначительно шевелила бровями и выдвигала челюсть в Вероникину сторону. Мол, вот – бизнесмен! Кавалер! А ты сидишь тут... – Ах, не олигарх? Ну, жаль, а то были бы и ты, и твои внуки, и правнуки обеспечены на всю жизнь. Процветает? Это ж детям надо будет телохранителя нанимать... Да-да, тороплю события. Может, еще и не выйдет у них ничего... Да ну что ты! Я только рада буду, если свадьба... Совет им да любовь.

Судя по длительным паузам, тетя Женя пыталась найти золотую середину, чтобы закаятая подруга удавилась от зависти, но Светлану Петровну было не так-то просто сбить с курса. Она в любом идеальном фрукте умела найти червоточинку, в любой блестяще выполненной работе – повод для придирки и в любом чужом кавалере – скрытый брак.

Положив трубку, маменька скорбно уставилась на Веронику:

– Вот, дочь моя! Даже у Юльки жених! А мне и похвастаться-то нечем! Уели меня по всем статьям! Они еще и машину новую купили. Хоть бы ты с Олежкой что-нибудь устроила.

– Ты надеешься, что я принесу от него в подоле? – усмехнулась Ника. – Я даже не представляю, как трактовать слово «устроила». Устроить можно неприятности.

– А ты устрой матери приятность, пока она еще жива! – вспылила Светлана Петровна. – И Олежку можно самого принести в подоле и тут оставить. Жили бы да радовались. Все равно никакой супергерой за тобой не прискачет ни на лимузине, ни на Росинанте! Тридцатник скоро, а никаких перспектив!

– Перспектив у человека нет только тогда, когда он уже в гробу. Ты же меня сама учила, – терпеливо отбивала мамины атаки Вероника.

Ежедневные беседы на тему замужества очень утомляли. Если до двадцати пяти лет Светлана Петровна шугала Никиных кавалеров, как навозных мух, то после этой даты вдруг резко сменила тактику и принялась сбывать дочурку с рук, как какую-то некондицию.

– Мужчины – исключения. С ними все перспективы заканчиваются гораздо раньше. С первыми нашими морщинами они сбегает, как жулики при звуке сирены. Так что хватай, пока молода, и не жди, что счастье само свалится тебе в руки. Муж – такая вещь, которую надо добывать с боем, выгрызая у соперниц. Как финские сапоги во времена дефицита. Но у вас сейчас слишком сытая и беззаботная жизнь. Вот нас молодость здорово закалила! Поэтому мы и устроены лучше.

Вероника вскинулась, размышляя, напомнить маменьке, что у нее самой не получилось выгрызть вожака у более удачливых теток, или не стоит.

– У тебя все на лбу написано, не напрягайся, – прервала ее терзания Светлана Петровна. – У меня хотя бы карьера есть. Это тоже чего-то при нашей жизни стоит. По крайней мере, я в состоянии обеспечить себя и своего ребенка, а вот как мой ребенок собирается выживать – для меня загадка. Еще раз напоминаю: спарься с Олегом, вы оба слабо приспособлены к действительности, так что будете хотя бы прикрывать друг другу спину, как два пингвина.

– Какое дивное слово – «спарьтесь», – пробормотала Вероника. – Непременно предложу это Мямликову. Хоть поржем.

– Поржем! – гневно передразнила ее маменька. – Это все, на что вы способны. Правильно, интеллигенция потому и вымирает, что занимается не тем, чем положено. Эволюция останавливается. Из-за таких, как вы!

Когда Светлана Петровна, возмущенно бормоча, удалилась в свою спальню, Вероника пожалала плечами и усмехнулась. Надо же, мама начала вменять в вину глобальные процессы. Может, соврать ей что-нибудь? Мол, есть у меня парень. Тогда хотя бы ненадолго будет обеспечен покой. Но в чем-то мама права. Шансов остается все меньше. И замуж хочется, и не за кого. Не за Мямликова же, в самом деле!

* * *

С Олегом Мямликовым они подружились в школе. Олежа был веселым, доброжелательным и всегда всем давал списывать. Высокий, чуть сутуловатый очкарик мог быть подружкой, жилеткой, советчиком, да кем угодно, только не кавалером.

В выпускном классе, устав наблюдать за бурными романами одноклассников, на фоне которых они ощущали себя слегка неполноценными, Вероника с Олегом даже попытались что-то такое закрутить. Мысль пришла к обоим одновременно и была понята с полуслова. Они пошли в кино, где Олег судорожно соображал, что правильнее, – просто лапать или сразу лезть целоваться. Честно говоря, ни того ни другого ему не хотелось. Ника для него являлась таким же другом, как сосед Лешка, а представить себя лапающим Лешку было за гранью возможного. В то время как он пытался заставить себя сделать хоть что-нибудь, Ника отчаянно старалась настроиться на романтику. Олег для нее не имел ни пола, ни возраста, поэтому и у нее никаких эротических фантазий не возникало. Более того, когда Олег все же положил руку ей на колено, оба начали хохотать, как два идиота, видимо одновременно вообразив акт целования государственного флага на линейке.

Расставаясь у Вероникиного подъезда, друзья пришли к выводу: с ними не все в порядке. Но одно радовало – хотя бы не поцеловались, а то ни толку от этого, ни дружбы!

Позже выяснилось, что с ними все нормально, просто ни у того, ни у другой никак не находилась нужная половинка.

– У меня ощущение, что люди как мюсли, – однажды поделился с Никой Олег. – Представляешь, вот ты пробовала найти в пачке два одинаковых зерна? Или изюминки? А я пробовал, чтобы проверить теорию. Нет там ничего одинакового. Все хоть немного, но различается!

Это было вполне в духе Олега – перебрать пачку сухого корма для желающих срочно похудеть, желая доказать или опровергнуть свою гипотезу.

Ему не везло с девушками. И не потому, что он был страшен, неинтересен или несексуален. Вовсе нет. Высокий, приятный внешне и обходительный. Были барышни, которым Мямликов очень даже нравился. Проблема заключалась в другом – Олегу Мямликову нравились только сногшибательные девушки. Он втрескивался в актрис, моделей, спортсменок и прочих выдающихся представительниц прекрасного пола. Обычные девицы из института или его же лаборатории, где он который год кропал свою кандидатскую, Мямликова не устраивали. Он их уважал, ценил, был галантен, но не более. Беда в том, что моделям и актрисам научный работник, передвигающийся на стареньких «Жигулях» и живущий от зарплаты до зарплаты, был неинтересен.

– А что ты хотел? – изумлялась Ника. – Они же вкладываются в свою внешность, ее надо поддерживать, это больших денег стоит, статус нужен, понты всякие, и тут – ты! Здрасьте вам! Кстати, еще неизвестно, на что они похожи, если смыть грим. Не обольщайся и опусти планку.

– Сама опусти, – огрызнулся Мямликов. То, что Вероника тоже ждала как минимум принца, не являлось для него секретом. – Принцам тоже нужна принцесса, а если ты, как изволишь выразаться, в свою внешность не вкладываешься, так и нечего тянуться туда, где нас не ждали и куда не звали!

И тут в полный рост вставал вопрос денег.

Не верьте, если кто-то утверждает, будто деньги – грязь. Может, и грязь, но лечебная. Счастье, конечно, не в них, но иногда, чтобы найти его, нужны презренные, жалкие дензнаки. Хорошо рассуждать, если вам повезло, жизнь удалась и можно резюмировать, что с деньгами лучше, но без них тоже не так уж плохо. А если у вас ничего нет? Ни счастья, ни перспективы, ни надежды. Если вы, например, физик Мямликов, не имеющий возможности подкатить к любимой девушке на дорогом автомобиле и отвезти ее в лучший ресторан, на Мальдивы или вообще на Луну, в зависимости от запросов избранницы? И не надо говорить, что если девушка не разглядела его душу, то и не нужна она вовсе! Это вам не нужна. А Мямликову необходима. И душу она не разглядела, потому что они движутся по разным траекториям и на разных скоростях. Тут не то что душу, светофор-то не всегда увидишь!

Или вот, например, как быть Веронике Донецкой, получающей скромную зарплату преподавателя, перебивающейся репетиторством и мечтающей о костюме из бутика, приличном курорте и нормальной квартире, где нет мамы? И во всемирно ругаемую Турцию она ездит не потому, что такая примитивная, а просто на Европу денег не хватает. Они закончатся уже на стадии покупки билетов и оформления визы! И ученые-физики, и скромные преподаватели тоже нужны. И если кто-то проносится на дорогих лимузинах мимо них, бредущих в толпе, то это вовсе не означает, что эту парочку можно вовсе вычеркнуть из картины бытия. На маленьких людях держится мир. Только когда рядом так много больших, возникших на ровном месте как грибы после дождя, страшно хочется тоже подрасти! И заглянуть в это странное, нелогичное зазеркалье, где из воздуха материализуются деньги и жизнь – сплошной праздник. Маленьким тоже хочется праздника.

В общем, Мямликову нужна была холеная модель из телевизора с нереально гладкой кожей, неправдоподобно длинными ногами, кукольными ресницами нечеловеческой густоты и блестящими, как шелк, волосами, а не девица из соседнего отдела, старательно копирующая недоступную красоту. У той и кожа не такая, и волосы реже, и ресницы короче, и грудь больше, а это неэстетично.

Веронике хотелось иметь рядом надежного, широкоплечего, ухоженного, побритого, облитого одеколоном бизнесмена с хорошей репутацией, честного, преданного, великодушного мецената и... тоже некое подобие фарфоровой куклы, которое можно хранить в чехле, не вынося к людям.

Оба давно поняли, что мечты их несбыточны, но боялись себе в этом признаться.

Жизнь текла медовой рекой, щедро сдобренной дегтем.

Олег так и оставался рядом с Вероникой на должности подружки, ни на что больше не претендуя. Они прошагали бок о бок школу, институт и вышли во взрослую жизнь, сохранив дружеские отношения. Иногда Веронике даже казалось, что Олег ей гораздо ближе, чем Лариска. На Олега можно было положиться, он был рассудительным, спокойным и каким-то своим. Барабанова же больше ассоциировалась с чертиком из табакерки. От нее можно было ожидать чего угодно и когда угодно. А Вероника любила только приятные сюрпризы.

Когда вечером пришел Мямликов, Ника обрадовалась гораздо больше, чем утреннему визиту Ларисы. Тем более что Олег ее хотя бы не разбудил, да еще принес пирожные.

– Мама зачем-то сунула, – оправдался гость. – Она еще и цветы мне давала зачем-то. Но это было бы уже запредельным идиотизмом – припереться к тебе с цветами.

– И не говори, – усмехнулась хозяйка. – Ко мне лучше с пивом и воблой. Но пирожные тоже пригодятся.

По телевизору шла передача про желающих создать семью. Передачу эту Вероника не любила, поскольку считала неприличным лезть на телевидение и на всю страну заявлять: хочу,

мол, замуж! Хотеть замуж, по ее мнению, следовало тихо, молча и делая вид, что не больно-то надо. По логике если тебе приспичило непременно сбежать в загс, а желающих нет, то вряд ли проблема в этих самых желающих. Скорее всего, с тобой что-то не так. А на передаче народ наперебой расписывался в собственной несостоятельности и пытался переложить ответственность на ведущих. Но в целом передача была очень даже познавательной. Участники делились на красивых и уверенных в себе, страшненьких и неуверенных в себе, сомневающихся в собственной привлекательности красивых и не сомневающихся в своей неотразимости страшненьких. Когда Ника попыталась донести эту мудрую мысль до мамы, иногда поглядывавшей на экран, Светлана Петровна решительно пресекла ее философствования, заявив, что у нее от этой зауми мозг створожится.

– И вообще, – злилась маменька, – лучше бы ты не перед телевизором извилинами качала, а пошла и нашла мне зятя.

Можно подумать, зятя, как поганки, росли под окном. Проще в январе подснежники достать, чем мужа!

Эта незамысловатая передача стала для Вероники своеобразным учебником по человеческой психологии. А заодно она поднимала свою самооценку, разглядывая претендентов и претенденток. Получалось, что даже умницам и красавицам чего-то не хватало для личного счастья. Да и свободные кавалеры, в принципе, на планете пока не перевелись. Учиться на чужих ошибках всегда предпочтительнее, чем совершать свои.

Иногда редакторы радовали совсем уж эксклюзивными персонажами, и Ника покатывалась от хохота, слушая и разглядывая очередное чудо природы. Сегодня был именно такой случай. Невеста потрясала воображение белокурыми наращенными кудрями, громадным силиконовым бюстом и до отказа заполненными ботоксом губами. Когда ее показали в профиль, Вероника содрогнулась в приступе сочувствия. Клюв Скруджа Макдака мерк на фоне двух гигантских перламутровых пельменей. Но, как выяснилось, она зря переживала за невесту, поскольку та гордилась собой и была снисходительна к присутствующим, которые, по мнению блондинки, завидовали ей и не имели мужества это скрыть.

– Ой, елки, – едва не уронил очки притопавший в кухню Мямликов. – Чего это ты смотришь? Про жертв пластической хирургии?

– Ты ничего не понимаешь в женской красоте, – хихикнула Ника. – Девушка говорит, что она страшно красивая и все ей завидуют.

– То, что «страшно», это точно. – Олег по-хозяйски плеснул себе чаю, косясь в телевизор. – А она с этим родилась или как?

– Мямликов, ты что? Это тюнинг.

– Да? Тут, похоже, тюнинг начали с радикальной лоботомии. – Олег с состраданием взглянул на чирикавшую с экрана блондинку. Девушка вещала, что ее главная мечта – мир во всем мире.

– О как, – развеселилась Вероника. – Хотя чего это я тут злобствую? Не иначе – от зависти. Но, конечно, такая грудь мне бы не помешала. И ей тоже идет, если уж не придираться. А вот с губами красотка перестаралась. Вон как шепелявит и пришепetyвает. И рот не закрывается.

– Не похоже, что тебе ее жаль. – Мямликов взял пирожное и впился в него зубами.

– Мечи пореже, – насторожилась Ника. – Пришел к девушке в гости и сразу норовишь ее объесть. Чтобы понравиться, надо жрать меньше. А то невесты будут пугаться, что им тебя не прокормить. Так и останешься бобылем!

– Здоровый мужчина должен много есть. Так раньше батраков нанимали, – с набитым ртом проворчал Олег, довольно шурясь.

– Это ты ко мне наниматься пришел? – подозрительно взгляделась в гостя Вероника, придвинув коробочку с пирожными к себе. – Нечего тут под свое обжорство основу подводить. Нужно быть скромнее.

– Я и так скромный, – потупил глазки Мямликов и взял еще одно пирожное. – Но ты не волнуйся, я отработаю.

– Ладно. Тогда вот скажи мне, Олег Батькович, что чувствует мужчина, глядя на такую фифу? Только честно! Мне любопытно знать мысли и чувства не какого-то там среднестатистического кобеля, а интеллектуала из приличной семьи.

– Если честно, меня тут интересует только грудь. И то – исключительно одноразово. Из научного, так сказать, интереса. Поглядеть, как оно, такое, вообще держится...

– Не советую, – предостерегла его Вероника, придвинув пирожные к себе. – Представляю, как это выглядит без одежды. Там небось шрамов как у жертвы маньяка.

– А вдруг нет? – размечтался Мямликов.

– Ладно. Пусть так, – согласилась Ника. – Но вот ты бы хотел на такой жениться?

Задумчиво скользнув взглядом по напомутому клюву телевизионной претендентки, которая свои пельменины еще и умудрялась кокетливо сворачивать в некое подобие трубочки, Олег ожесточенно затряс головой:

– Не-не-не! У мамы сердце слабое. Представляешь, прихожу я к ним на ужин и говорю с порога, мол, папа, мама, это моя невеста! И сразу два бездыханных тела под столом. «Скорая». Нашатырь. Валерьянка. И девушка небось обидится.

– Да, – засмеялась Вероника.

Тут у нее требовательно пискнул мобильник.

– О, Мямликов, от Лариски эсэмэска пришла. Она сегодня прискакала с рассветом, бредила – на Гоа хочет. Меня с собой зовет.

– Решили вкусить дух свободы и разнузданного секса на пляже? – понимающе кивнул Олег.

– Не обобщай. Хотя вторая часть меня заинтересовала. Кстати, про секс. Ты в курсе, что наши мамы планируют для нас долгую и счастливую семейную жизнь? В крайнем случае одну случку, после которой у них должно появиться потомство.

– Одного из помета обычно отдают хозяевам кобеля, – со знанием дела произнес Мямликов.

Вероника поперхнулась чаем и долго, с надрывом кашляла.

– Ника, у тебя с годами начало пропадать чувство юмора. – Олег заботливо поколотил подругу по хребту, отчего она чуть вообще не перестала дышать.

– Еще неизвестно, у кого оно пропадает. Девушкам неприлично говорить про годы!

– Я учту, Донецкая! Не переживай. Кстати, а как ты относишься к родительской идее?

– С ужасом и содроганием, – честно призналась она. – Ты для меня как брат.

– Вот и отлично. А то я побоялся обидеть тебя отказом, – оживился Олег.

– Чего это ты обрадовался? Мог бы попечалиться для приличия.

– Я ж как брат! А какие между родственниками реверансы? Все свои. Давай-ка вернемся к менее скользкой теме. Так что там с Гоа? Чего Барабанова набарабанила?

– «Ника, дай мне свою почку!» – процитировала Вероника и беспомощно взглянула на названного братца.

– А что? – развеселился тот. – Вполне реальная заявка. За почку на Гоа можно до пенсии жить. Если, конечно, не шиковать особо.

– Хватит смеяться! Объясни мне, что это означает!

– Я всегда говорил, что твоя Барабанова с придурию. Но теперь она становится социально опасной. – Олег скроил дурашливую физиономию, протянул к Веронике скрюченные пальцы и провыл: – Отдай мне свою почку-у-у-у!

– Да ну тебя! У человека крыша съехала, а тебе лишь бы хи-хи да ха-ха! – Она торопливо набирала номер Лариски.

– Ну? – требовательно отозвалась подруга после первого же гудка. – Где?

– То есть тебе вот так сразу выдать? – опешила Вероника.

– А в чем проблема? У меня, кстати, и примерная подборка цен есть на тамошние продукты и жилье. Все реально.

Ника покосилась на Олега и нервно сглотнула. Разумеется, Барабанова и раньше была девушкой с сюрпризом, но чтобы вот так...

– Можешь не включать громкую связь. Твоя Лариска так орет, что мне все слышно, – подмигнул Олег. – Кстати, в ее словах прослеживается определенная логика. А ты теперь бойся. Если Барабанова что-нибудь затеяла, то она это непременно осуществит. И ты еще хотела женить меня на ней.

Несколько лет назад, когда Мямликов страдал после очередного расставания с девушкой, Ника решила подсунуть ему Барабанову. Вернее, это Барабанова решила, что физик – вполне интересно и экзотично. Так совпало, что у Лариски тоже был простой по части кавалеров. А для такой деятельной девицы это как веревка для козы – возмутительное ограничение в сфере чувств и эмоций. Мямликов не оправдал надежды и высокого доверия, позорно сбежав по совершенно непонятной причине. Откровенно говоря, причина была непонятна лишь Ларисе. А Вероника, задыхаясь от хохота, многократно прослушала исполняемый на бис рассказ Олега про романтическую прогулку с Барабановой. Было лето, и Лариска заманила его на нудистский пляж. Очки Олег оставил в машине и некоторое время не догадывался, почему народ вокруг странно однотонный, а спутница весьма фривольно дергает его за плавки. Но когда Барабанова обнажилась и до Мямликова дошло, что его окружают не только голые дамы, но и кавалеры, он чуть не упал в обморок. Спасло лишь то, что он был уверен – его слабостью немедленно воспользуется не только спутница, но и голые придурки, бродившие вдоль кромки воды. То, что Лариса не отягощена комплексами, не делало ее привлекательнее. Даже полуслепой физик, углядев ее доскообразную, ребристую фигуру, был шокирован.

– Если бы она была хотя бы интересным собеседником или просто хорошим человеком, – взалхлеб оправдывался Олег, чувствуя себя виноватым перед Вероникой. – Так ведь нет! Просто сумасшедшая девка, да еще страшная. Ладно, не страшная. Просто не красавица.

К слову сказать, Барабанова тогда не обиделась, списав все на придурь кавалера. Так они и продолжали существовать, периодически пересекаясь и считая друг друга придурками.

– Так что, дашь? – требовательно напомнила о себе Лариса. – Не тяни, у меня на сегодня еще планы есть. Я не могу тут до ночи сидеть и ждать, пока ты там раскачиваешься.

Даже Мямликов перестал хихикать, нарисовав в воздухе пальцем заветные цифры «03».

– Я тебя боюсь, – вздохнула Вероника.

– Не бойсь, у меня вирусов нет, – усмехнулась подружка. – Все проверено. У меня друг-компьютерщик жил. Такой прикольный. Сисадмин, а ни бороды, ни свитера.

– Вот! – воскликнул Олег. – И вирусов нет. Отдаешь почку в хорошие руки!

Ника молча лягнула его под столом и простонала в трубку:

– Барабанова, чего ты ко мне пристала? Чего тебе надо-то?

– Так почту твою! Я же обещала файлы про Гоа прислать.

От смеха Мямликов начал икать и завалился между столом и холодильником, дрыгая ногой в веселеньком оранжевом носке.

– Так тебе почта нужна? Лариса! Ты меня доконаешь! – крикнула Вероника, пытаясь удержаться и не упасть вместе с Олегом. Воспитательные беседы должны проводиться строгим,

скучным голосом, иначе в следующий раз Барабанова отчебучит что-нибудь похуже. – Ты хоть проверяй, что пишешь!

– А чего такого? – Лариса пошуршала немного, после чего раздался характерный писк мобильного. – Ой, подумаешь, опечаталась! Понятно же, что почта нужна, а не почка. Зачем мне твоя почка? Что я с ней делать буду? Я даже говяжьи почки не ем...

– Все, Ларис, я усвоила! Не надо подробностей. Сейчас вышлю.

– Хорошо, что она не придумала, что делать с твоей почкой, – произнес Мямликов, когда Ника закончила разговор. – Но сейчас ты подбросила своей чокнутой подружке неплохую идею.

– Иди домой, поздно уже, – отмахнулась Вероника, решительно захлопнув коробку с жалкими остатками пирожных и убрав ее в холодильник.

– Негостеприимная ты, – уныло вздохнул Олег. – А мужчины этого не любят. Путь к их сердцу лежит через желудок.

– Мямликов, тебе рассказать, куда ведет путь через желудок, или сам анатомию вспомнишь? Тетки, которые покупаются на эту рациональную байку, именно в том самом месте и оказываются. Они вам готовят, стирают, рожают детей, а вы их потом туда и посылаете! Вот тебе тоже нужна фифа, а не повариха, так что не надо тут защищать нежизнеспособные теории. Все, иди, любимый!

– А проводить? – насупился Олег. – Я, между прочим, надежда российской науки. Вдруг ко мне гопники пристанут?

– Ага. А я, как главная гопница района, непременно тебя отобью. Иди, надежда. Доберешься до укрытия – отзовишься, чтобы я не переживала.

– Олежек, уходишь? – выскочила в прихожую Светлана Петровна. – Поздно уже. Остался бы!

– Вот! – Ника многозначительно проткнула воздух указательным пальчиком. – Началось. Сейчас нас будут спаривать.

– Помру я без внуков, – безнадежно махнула рукой маменька. – Олег, маме позвони, а то она тоже рассчитывала, что ты у нас останешься.

– Налицо сговор, – развеселилась Вероника. – Мама, а мне твой Олежек, между прочим, сказал, что только одного из помета готов взять, остальные нам останутся! Все они, мужики, такие!

– Досвиданиясветланпетровна! – протараторил покрасневший Мямликов и с топотом ринулся вниз по лестнице.

– До свидания, Олежек! – вежливо отозвалась несостоявшаяся теща и добавила, повернувшись к дочери: – Когда мужчины сбегает от тебя, роняя тапки, это не повод для смеха. Это диагноз.

Иногда Веронике казалось, что у нее какой-то судьбоносный диагноз присутствует. Мужчины неправильно реагировали на нее. Вернее, в начале отношений все было правильно, а потом шло наперекосяк. И ведь она не хваталась за первого попавшегося, а выбирала тех, при виде которых трепетало сердце и бурлила кровь. Но, видимо, в том и заключалась проблема – не у нее одной трепетало и бурлило, а принцы знали себе цену и нагнали на глазах. Да еще соперницы демпинговали, презрев девичью честь и приличия. Они вешались на Вероникиных кавалеров и буквально шлепались им в руки доступными райскими яблочками. И как тут вести себя с достоинством и самоуважением, когда никто этого не ценит? Кому оно нужно, если лучшие из лучших вышвыривают ее из своей жизни, словно старый трамвайный билет?

Вероника не считала себя красавицей, но интересной точно была. Мама говорила, что в ней есть изюминка, обаяние и шарм, а это ценнее шаблонной кукольной красоты. Длинные русые волосы, огромные глаза, пухлые губы, высокие скулы плюс диплом физика-лазерщика.

На взгляд Вероники, сочетание было убойным. Да только кто их, мужиков этих, разберет! Похоже, они клевали на что-то другое, а вот подстраиваться под спрос Ника не собиралась. Много чести!

* * *

Когда в квартире отсутствует женская рука, это сразу бросается в глаза. Раньше Саша никогда об этом не задумывался. Всякая дребедень вроде подушечек на диване, статуэток на полках, всяких губочек, прихваточек, подставочек в кухне оставалась незамеченной до тех пор, пока имелась. Но стоило исчезнуть из дома женской руке, прихватившей всю эту ерунду, как в квартире моментально стало пусто и неуютно. Иногда ему даже казалось, что любой звук мячиком отскакивает от стен, как в нежилом помещении, и пугливым эхом мечется в поисках источника щебета. А источник-то утек... И надоедливый щебет тоже.

Вместо милых и нефункциональных вещичек по комнатам ровным слоем расплзлось содержимое шкафов. Почему-то удобнее было брать не оттуда, а с кресла. Или даже со стола. Носки вообще замечательно сортировались на обширной поверхности, а при нормальном освещении, отсутствовавшем в шкафу, можно было без труда отличить черный цвет от темно-синего и в результате даже ходить в одинаковых носках. Никто не отчитывал его за мокрое полотенце, брошенное в ванной, за невымытую чашку. Никто не требовал ежедневно бриться, надевать ненавистный галстук и выдавать непомерные суммы на расходы. Зато он продолжал питаться полуфабрикатами и заказной пиццей. Вроде все было замечательно, но что-то мешало Александру чувствовать себя абсолютно счастливым. Наверное, он так пресытился долгожданной свободой, что захотел обрести хоть какие-то оковы. Пусть даже и временные.

Саша с отвращением поддел лапшу из пластикового контейнера, которая, повисев пару секунд на вилке, с брызгами шлепнулась обратно. Если изо дня в день есть одно и то же, затошнит и от шоколада. Что уж говорить о безвкусном тесте, приправленном шепоткой неизвестно чего. Конечно, можно было бы вернуться к пельменям, но организм пока не отошел от затяжной пельменной диеты. Кроме того, у Саши начал расти животик. Вернее, ему стало так казаться. Он и так-то был мужчиной довольно упитанным, кряжистым и стройностью Аполлона никогда не отличался. А тут еще над ремнем брюк нарисовалась некая кривая, слабо похожая на кубики пресса или трудовую мозоль. Так-то он очень даже ничего – белозубый, бровастый и веселый. Но это при хорошем настроении. В последнее время его чувство юмора окопалось на дальних рубежах и признаков жизни не подавало.

– Баба нам с тобой нужна. – Саша погладил страдальчески урчавший живот и пригорюнился.

Глупо врать самому себе. Нужна не баба, а женщина, которая вернет жизни если не смысл, то хотя бы краски. И не в хозяйстве дело, и не в желудке.

Когда Камилла еще была с ним, жизнь переливалась всеми цветами радуги, не давая соскучиться. Эмоции били через край, причем положительных особо и не наблюдалось. Утро начиналось с крика и выяснения отношений, как в веселой армянской семье. Саша носил фамилию Карапетян, но от предков унаследовал лишь нос и южный темперамент, поэтому в спорах с Камиллой орал на равных.

Сначала у них была любовь. Яркая, как вспышка. Это потом уже выяснилось, что не любовь, а временное физиологическое влечение непреодолимой тяги. Так объяснила Камилла. Она здорово умела все объяснять, подводя под любую нелепицу железобетонную основу. Сказочная бабочка, впорхнувшая в жизнь трудоголика, словно с глянцевой обложки модного журнала. Камилла была идеальна от кончиков тщательно уложенных волос до расписных ногтей на ножках. Не девушка, а картинка. У них тогда все быстро и легко закрутилось. Так же мол-

ниеносно выяснилось, что фея беременна. Саша даже обрадовался: привязать такую роскошную девушку к себе насовсем – это ли не мечта? Свадьба, пара месяцев капризов, выкидыш... Когда беременность так внезапно прервалась, вдруг оказалось, что, кроме нее, ничего молодых супругов не связывало. Они начали отдаляться друг от друга, еще не понимая, что это не временные трудности, а финиш в их совместном семейном забеге. Однажды оба поняли, что стали совершенно чужими и тяготятся друг другом, но признаться в этом не смогли. Поэтому и начинали день с взаимных упреков и разборок. Зато тогда же обоим стало ясно, что для нормальной семейной жизни нужна репетиция. Недаром родители бубнили: поживите вместе, притритесь, а потом уже в загс. Беременность спутала все карты, заставив пройти по ускоренной программе. Теперь Камилла знала: галантные в пору ухаживания мужчины, перейдя в статус мужа, львиную долю своей галантности теряют в загсе и начинают предъявлять к избранницам непомерные требования вроде мытья полов, варки обедов и прочих хозяйственных повинностей, которые добровольно выполняют лишь старые целлюлитные тетки, обвешанные соплями детьми и боящиеся, что мужья их бросят.

Юных нимф следует кормить в ресторанах, носить на руках и не усложнять им жизнь всякой бытовухой. Хочешь есть – найми кухарку. Хочешь чистого и глаженного белья – иди в прачечную. Хочешь, чтобы по дому не мотались клубки пыли, – заплати домработнице. А вот если хочешь любви – женись, после чего любовь свою холь и лелей! Сашу позиция Камиллы веселила, потом изумляла, а после ему и вовсе стало безразлично. Красавица-жена, приходившая на свидания свежей розочкой, в послесвадебной действительности тоже, фигурально выражаясь, сшибла с молодого мужа розовые очки. Когда его нимфа стала складывать на туалетный столик пышные локоны и отклеивать ресницы, Сашу едва не хватил удар. Он представил, что сейчас невеста задерет пышную юбку и отстегнет деревянную ногу. До этого, конечно, не дошло, но в последующие месяцы Саша постепенно выяснил, что лицо с утра рисуют, накладывая на него полкило всевозможной косметики, волосы ламинируют, ногти наращивают, в лифчик закладывают какие-то омерзительные желеобразные штуки, брови выщипывают и татуируют, ноги бреют... Список был ужасен и бесконечен. Камилла вполне устраивала его и в том состоянии, в котором просыпалась, хотя оно разительно отличалось от ее дневного образа. Но Камиллу ее физиономия и прочие детали не устраивали, поэтому все дни она посвящала самосовершенствованию, а оно, к слову, стоило немислимых денег. То есть, по Сашиним меркам, деньги были немислимыми, а супруга считала, что надо просто не там работать и не столько зарабатывать.

Мужики ему завидовали, тетки на работе понимающе вздыхали, глядя на фото под стеклом на Сашинем рабочем столе, а он мучился, ощущая себя если не котом, которому вручили банку с пластмассовыми мышами, то уж точно эфиопом, которому подарили шубу из черной бурки. Вроде и классно, но – не надо! Вот и Камилла, такая изумительная, прекрасная, чудесная, была ему не нужна. Оказалось, что невозможно жить с женщиной, которую не любишь. Вроде и неприязни нет, а спать в одной постели не получается. С начальством, например, у Александра тоже были такие же нормальные отношения, так ведь не спать же с ним из-за этого! А с Камиллой надо было спать. И что-то такое изображать – заботу, любовь или что там этим женщинам нужно? Но Саша не мог, потому что ничего не чувствовал. Лишь неловкость от того, что ему не нужна эта потрясающая женщина.

Они так и изводили бы друг друга придирами, мотая нервы и проверяя партнера на прочность, если однажды Камилла не решила выйти на работу.

– На работу? – изумился Саша. – Ты же ничего не умеешь.

И тут же спохватился, увидев, как стремительно темнеют от ярости глаза супруги.

– В смысле, у тебя нет профессии! Кем ты можешь работать?

– Секретарем. Администратором. Менеджером, – гневно отчеканила Камилла. – И представь, рабочее место я уже нашла. И меня даже взяли на приличный оклад. Тебе такие деньги и не снились.

– Рад за тебя, – пробормотал уязвленный Саша. То, что даже секретарше платили больше, чем химику с высшим образованием, удручало.

Камилла как-то странно взглянула на него после этих слов, но промолчала. Все стало ясно позднее.

* * *

– Худоба – это классно. Сейчас вообще в моде такие, как мы с тобой, – вещала Барабанова, важной цаплей расхаживая по Вероникиной комнате.

Олег сидел в углу и с хрустом поедая яблоки. Лариска объявила внеочередное заседание клуба, желая обучить своих неудачливых коллег по поиску личного счастья методам этого самого поиска.

– Мужчины модой не интересуются, – встрял в идиллическое повествование Мямликов. – Они не в курсе, что у вас это модно. Мне, например, нравятся девушки, которых есть за что ухватить.

– Можно подумать, ты часто кого-то хватаешь, – усмехнулась Лариса. – Твой опыт нам не пригодится, поскольку ты нетипичный представитель мужского пола.

– Почему? – обиделся Олег, прикидывая, не запустить ли в нее огрызком. – Я очень даже типичный.

– Типичные ездят на приличной машине и трясут толстым кошельком, – пояснила Лариса. – И квартира у них не в блочном доме. Кроме того, у них есть богатый опыт общения с женщинами, они снимают тех, кто им нравятся, а не тех, на которых уже никто не зарится!

– Да я вообще никого не снимаю! – возмутился Олег.

– А типичные – снимают! – припечатала Барабанова. – Вообще, ты хоть начни нормально одеваться! Ходишь как пионер-переросток. Брючки какие-то страшненькие, рубашечки в клеточку.

– Мне так удобнее!

– Не перебивай! И вставь нормальные глаза. Мужчины-очкарики давно вышли из моды. Это в бандитские девьяностые очки были знаком отличия от бандюков и жених с окулярами рассматривался как выгодная партия, поскольку была хоть какая-то гарантия, что он не сядет.

– Только после того, как ты вставишь нормальную почку, – засмеялся Мямликов и принялся за следующее яблоко.

– С таким подходом ты так и будешь мотыляться в одиночестве, облизываясь на красивых баб. Красивые любят красивых. И богатых. Сейчас это норма. Это мы с Вероничкой любим просто красивых, нам богатство ни к чему, если только духовное. В общем, сними очки, вставь линзы. Тебе пойдут голубые или зеленые. Оденься попопсовее. Веди себя наглее. Женщины любят наглых.

– Женщины любят решительных, – заметила Вероника. – Наглым они дают по морде.

– Наглость и решительность – это одно и то же. Не надо меня путать, – топнула тощей ногой Барабанова. – И тебе, Донецкая, кстати, тоже этой решительности не хватает! Ты ходишь с таким видом, будто всех стесняешься. Мол, извините, что я такая на улицу выползла. А ты высокая, красивая. Распусти волосы, иди царицей. Мямликов, скажи, что Ника царица.

– Ну... да, – неуверенно признес Олег, с сомнением поглядев на Веронику. Она сидела в кресле, подбрав ноги, и плела себе африканские косички. Вернее, их подобие.

– Вы оба должны более активно заняться поисками пары, – твердо заявила Барабанова и строго обвела слушателей взглядом. – Предлагаю назначить срок – месяц. Через месяц встречаемся, и вы сообщаете мне результаты.

– А зачем? – резонно поинтересовался Мямликов.

– Чтобы был стимул, Олег! Чего непонятного? У вас с Никой будет типа соревнование. Кто быстрее найдет себе кого-нибудь.

– То есть ты считаешь, что я сейчас кубарем скачусь с лестницы и брошусь хватать за руки всех встречных теток, позиционируя себя как типичного и решительного, лишь бы перегнать Донецкую? – усмехнулся Олег. – Такие, которые нравятся мне, пачками по нашему району не ходят. И нормальную девушку надо завоевывать.

– Ой, да брось ты эти старорежимные шаблоны! – отмахнулась Лариса. – Давно уже ни за кем ухаживать не нужно. Объясни сразу, прямым текстом, чего ждешь от отношений, и девушка твоя.

– Если ко мне на улице подойдет мужик, пусть даже с голубыми или зелеными глазами и в приличном прикиде, и заявит, что планирует сначала со мной переспать, а потом, если я его устрою по всем параметрам и дам клятву поддерживать свою неземную красоту вечно всеми доступными и недоступными способами, жениться, я ему врежу. Или милицию вызову, – развеселилась Вероника. – Ты забыла, что нашему Олежке нужна модель или киноактриса, чтобы во всех местах все идеально, голос колокольчиком, IQ как у Эйнштейна, характер как у херувима, но при этом без особых материальных запросов. А такую девушку сложно удивить и покорить. Особенно если подойти пешком, а не подлететь на «Ягуаре». В общем, Лариса, как психолог ты несостоятельна.

– Ой, да понтов у вас обоих много. Сначала все пальцы гнут, а потом хватают первое попавшееся и волокут под венец, когда время прижмет. В жизни все как на распродаже: сначала перебираешь, перебираешь, а перед самым закрытием хапнешь то, что окажется под рукой, – снисходительно сообщила Барабанова. – Так что даю вам месяц. Через месяц проверю. Ладно. Побежала я. У меня еще свидание. – И, игриво вильнув костлявым задом, она усккала в коридор.

– Это ж надо, – задумчиво покачал головой Олег. – Вот мы с тобой, два нормальных человека, сидим дома и не знаем, чем заняться. А у этого чуда в перьях опять свидание. Где логика?

– Они не знают, чем заняться, – с непередаваемой интонацией еврейской бабушки проворчала откуда-то из глубины квартиры Светлана Петровна. – Нормальные давно бы уже сообразили. Да, быть мне без внуков!

* * *

Каждая девочка мечтает стать принцессой. Каждая девушка хочет стать женой короля. Особенно красивая девушка. Такая, как Камилла. Но королей на всех не хватает, а любовь косит народ очередями без разбора, невзирая на детские мечты, как на конвейере, склеивая сердца парами. И не ее вина, что иногда сердца оказываются дырявыми, чувство по капле вытекает из них и пара распадается, снова бросаясь выстаивать в общей очереди за счастьем.

Камилла искренне думала, что любит. И когда выяснилось, что она ошиблась, очень удивилась. Как? Свадьба была. Белое платье. Чувства тоже вроде бы были. И тут – здарсьте вам! Ходит по квартире совершенно посторонний мужик. То есть не совсем посторонний, а очень даже классный, свойский, веселый, компанейский... И что? А ничего! Ходит и ходит! А в чувствах и эмоциях разброд. Вроде мужик-то этот – муж! А по ощущениям – хороший приятель, задержавшийся в гостях и слегка начавший тяготить своим присутствием хозяев. За небольшим исключением: квартира его. Поэтому получалось, что это Камилла подзадержалась.

Это все выглядело странно и нелогично. Она, такая красивая, яркая, броская, почему-то оказалась ему не нужна. Муж был терпелив, тоже переживал, что семья разваливается на глазах, как плохо вымешанное тесто, но сделать ничего не мог.

Идти на дно с семейной лодкой Камилла не хотела. Пора было прыгать. Тем более что Саша никакой решительности не проявлял. Так можно досидеть до первых морщин и остаться у разбитого корыта.

Камилле наскучило прохлаждаться дома, и она отправилась искать работу. Эффектной, статной брюнетке, с бровями вразлет, нежной кожей и роскошной фигурой, подходящее место нашлось довольно быстро. Можно даже сказать – молниеносно! На первом же собеседовании ее заприметил директор небольшой торговой фирмы и немедленно начал нарезать круги, как акула вокруг свежей бараньей тушки. Дурой Камилла не была и знала, что доступные девушки ценятся дешево. Если мужику будет лень ее завоевывать, то это его проблемы. Фирм в городе много. Поэтому его ухаживаний она решила демонстративно не замечать, на флиртовые шутки не реагировала, а когда Казанова уселся рядом, подтащив кресло, и по-хозяйски закинул руку на спинку ее стула, Камилла обожгла его таким взглядом, что нахал немедленно отполз в тень, как старый краб, предоставив кадровичке самой закончить собеседование.

Когда Егор Веселовский, находившийся в очередном поиске секретарши, увидел, какое счастье ему привалило, он едва не захлебнулся слюной. Господин Веселовский был мужчиной солидным и любвеобильным. Красивая девушка ему полагалась по статусу, чтобы партнеры икали от зависти. Проблема заключалась в том, что красивые секретарши, недостатка в которых не ощущалось, скоро сбегали, не выдержав его характера. В том, что характер у него плохой, Веселовский не сомневался, но считал, что имеет на это полное право. Заработал.

Егору не было еще и сорока, но тяжелая жизнь и упорная конкуренция на рынке привели к тому, что его высокий лоб украсили обширные залысины, на месте прессы выросло небольшое, но уже заметное пузцо, а гладкая физиономия местами сморщилась и пожухла. Впрочем, когда мужчин портили морщины? Красавцем Егор себя не считал, да ему это было и не нужно. Девушки сами липли к нему, как муравьи к банке с кленовым сиропом. Каждая считала, что она лучше других и непременно перевоспитает этого хама и бабника.

Егор был уверен: не родилась еще такая, ради которой он свернет горы! Но ведь ради секретарши ничего сворачивать и не надо. Достаточно того, что он будет платить ей зарплату.

– Характер у меня тяжелый, – предупредил он Камиллу, смягчив эту явную угрозу подмигиванием и плотоядной ухмылкой.

– У меня тоже, – вежливо ответила она, решив сразу показать, что намерена держать дистанцию.

Но одно дело – что-то там такое показывать и на что-то намекать, тем более что мужчины вообще плохо понимают даже прямой текст, не то что какие-то там намеки. И совсем другое – действительно держаться на расстоянии. Егор ей понравился сразу: хищник, волк-одиночка, жесткий, волевой и властный. Именно такой мужчина нужен Камилле. И его следует завоевать.

Саша сразу почувствовал, что с ней что-то происходит.

– Влюбилась, – невесело отозвалась жена на его немой вопрос.

Сначала Сашу хлестнуло ревностью – она так легко об этом сказала! И ведь он поверил. По глазам было видно, что так и есть. А потом вдруг обрадовался. Да так, что готов был даже начать помогать жене в завоевании соперника, лишь бы она оставила его в покое со своими вечными придирками. Александр чувствовал себя виноватым в том, что не мог обеспечить такой звезде достойную вселенную. Проще говоря, не зарабатывал он на ее прихоти, считал их блажью, а жену – милой дурочкой, с которой можно дружить, но невозможно жить семьей. Они

оба были слишком порядочны, чтобы изменять молча, исподтишка. И не изменять не было уже никаких сил.

Но не показывать же ей, что он рад. Это, во-первых, хамство, а во-вторых, даже униЗИтельно для мужика. Саша стал мучительно соображать, как отреагировать. Пожелать счастья? Устроить сцену с битьем посуды?

– Нам надо расстаться, – как-то просто и буднично прервала его мыслительные потуги Камилла.

– Ну, наверное, да, – пожал плечами Саша. Хотя все равно получалось немного униЗИтельно. Его бросали.

– Я тебя не бросаю, – спокойно произнесла жена, глядя на него ясными и чистыми глазами. Александр даже заподозрил, что мысли проступают у него на лбу, как на светящемся табло с бегущей строкой. – Просто у нас ничего не получилось, и надо пытаться строить жизнь по отдельности. Я сниму квартиру.

– Я тебе помогу, – заторопился проявить благородство муж. Вернее, бывший муж.

– И еще. – Она вдруг улыбнулась. – Мне бы хотелось, чтобы мы остались друзьями. Семьи у нас не получилось, а дружбу, мне кажется, мы сумеем сохранить. Ты очень хороший. Таких друзей редко найдешь.

– Да, – старательно закивал Саша, подумав, что обдумает подоплеку этих предложений позже.

Любой мужик – собственник. Впрочем, женщин это тоже касается. Когда от тебя уходят просто, в никуда, это одно. Это не больно и даже по-человечески понятно. Но когда от тебя уходят к кому-то, это все равно как смотреть на вора, уносящего твой кошелек, и приветливо махать рукой.

Морально и психологически Саша на тот момент до подобных жертв не созрел.

* * *

Егор принял условия игры сразу и безоговорочно. Ему было даже интересно, когда и как она наконец-то сдастся. Секретарем Камилла была аховым. Проще говоря, никаким – в нормальном смысле этого слова. Когда он первый раз предложил ей «посекретарить» на ужине с партнерами, Камилла чуть не опрокинула стол, сорвавшись с места яростным вихрем и вцепившись в лацканы его пиджака.

– Тихо, тихо, – перепугался начальник, не ожидавший столь бурного отклика на свое двусмысленное предложение. А оно и было задумано именно двусмысленным, чтобы посмотреть на реакцию и развлечься.

Развлечение едва не стоило Егору попорченной физиономии. Зато адреналин в крови зашкаливал.

– Мне по статусу положено быть с помощником! – крикнул он, крепко ухватив Камиллу за локти и осторожно отстраняя. Осторожно, потому что у этих девиц вечно ломались ногти, каблуки, рвались чулочки и портился макияж. Мужу сломанный ноготь – как слону дробина. Для дамы это катастрофа вселенского масштаба. Или, например, порвал ты носок. И что? Купи другую пару и надень. Более того, мужской носок еще надо умудриться порвать. А у этих фей затяжка на чулке вела к кардинальному изменению всех планов, потому что следовало таскаться по магазинам в поисках подходящего цвета, фасона и производителя. Какой, спрашивается, фасон может быть у чулок? Оказалось – может. Пары лекций на данную тему Веселовскому вполне хватило, чтобы начать относиться к комку синтетики с должным уважением.

Женщины казались Егору инопланетянами, тем интереснее было их изучать.

Он был охотником. Женщина, добытая без азарта и трудностей, была для него как для рыбака мороженная треска в ближайшем супермаркете. Но треска, к сожалению, попадалась

гораздо чаще, нежели достойная дичь. Девыц клевали на его статус, машину, деньги, респектабельный внешний вид, как голодная плотва на позавчерашний хлеб.

А Камилла интересовала Егора, забавляла, бодрила. В общем, на ближайшую пару месяцев жизнь обещала стать увлекательной.

Камилла видела Егора насквозь. Казанова, бабник, уверенный в себе на двести процентов, пожиратель женских надежд и крушитель девичьих сердец. Он хотел ее, как ребенок хочет игрушку. А где рано или поздно оказываются все любимые игрушки? Правильно – в ящике со старыми. Ни в какой ящик Камилла не собиралась попадать. Это не он будет ее завоевывать, это она приручит его. Пока Егор с удовольствием покорял неприступную секретаршу, она пустила корни в его жизнь.

Когда женщина собирается перевоспитать мужчину, она строит массу планов, просчитывает, продумывает мельчайшие детали, оттенки тона, мелкие сюрпризы и крупные пакости, а в результате это дикое животное, вроде бы научившееся покорно сидеть на тумбе и подавать голос по команде, вдруг берет и сбегает на волю. В общем, Камилла прекрасно представляла, что именно ей предстоит.

* * *

– Все дома сидишь? – Светлана Петровна недовольно хмурилась, разглядывая дочь.

– Сижу, – согласилась Вероника, возлежавшая на диване с книжкой и балдевшая в одиночестве.

– А надо сидеть в другом месте!

– На паперти, что ли? – хихикнула Ника. – Или с бабками во дворе?

– Это единственное, что приходит в твою неумную голову, – констатировала маменька, страдальчески вздохнув. – А зря. Мужиков у нас пока на дом не доставляют. Или ты решила, что у тебя уйма времени и вопросом замужества можно заняться позднее?

– Почему не доставляют? – усмехнулась дочь. – Запросто. Мальчики по вызову, например. Массаж, стриптиз и прочие услуги с доставкой на дом.

Эти разговоры ее утомляли. Разве можно вот так запросто куда-то пойти и приволочь в логово жениха? Это только древние люди были неразборчивы и тащили домой всякую дичь, от мамонтов до каких-нибудь там саблезубых грызунов. Что поймал, то – твое. Жених – не обед. Он на всю жизнь, а не на один раз, поэтому его надо встретить. Именно встретить, а не найти, как гриб какой-нибудь! Но Светлана Петровна пребывала уже в той стадии, когда будущий зять казался предметом слабоодушевленным и бесправным, потому спрашивать его и окучивать было некогда. Дочь перезрела, как колхозная тыква, и, того гляди, могла испортиться совсем. Но, как водится, тыква-то не в курсе, что она скоро станет некондицией, на то и нужны понижающие люди, чтобы вовремя сбыть. А Вероника категорически не соглашалась с тем, чтобы ее сбывали столь ускоренными темпами. Ей даже тридцати еще не было. Куда торопиться? То есть ей тоже надоело одиночество, но это не означает, что нельзя еще чуть-чуть подождать!

– А Юлька замуж, похоже, выходит! – выдвинула мама последний аргумент тоном оскорбленной невинности. Получалось, что родственники опять ее обскакали по всем позициям, а виновата в этом Вероника.

Юля была дочерью тети Жени. Дебелая девица, с гладким, щекастым лицом деревенской простушки и замашками непризнанного гения. Вероника иногда думала, что сестрица отлично спелась бы с Барабановой, поскольку обе с большим приветом. Правда, Юлька на ногах стояла тверже и к жизни была приспособлена лучше. Во всяком случае, крышу у нее не срывало, а общение в богемной тусовке не мешало ей трезво смотреть на окружающий мир. Юлия была

разносторонней девушкой. Она писала стихи, рисовала, играла в каком-то театре с труднопроизносимым названием и неопределенным местонахождением, поскольку труппа кочевала с выступлениями по городу; кроме того, сестрица писала пьесы и увлекалась индийскими танцами и фильмами. И вот весь этот винегрет Веронике вечно приводили в пример.

– У Юлечки такой обширный круг общения, – мечтательно бубнила Светлана Петровна в минуты благостного расположения духа, предпринимая педагогические атаки в сторону дочери. – Она разносторонняя, интересная. Вот если бы ты занялась чем-нибудь таким, то давно бы уже устроила жизнь с приличным человеком.

До определенного момента можно было возражать, что вышеупомянутая Юлечка отчего-то так свою жизнь и не устроила, тоже бегая в холостых и одиноких. Наверное, не все хорошо в среде актеров и поэтов. Однажды Ника даже имела честь быть приглашенной на спектакль по Юлькиной пьесе. Более убогое мероприятие сложно было вообразить. В каком-то полуподвальном помещении, где малочисленные зрители сидели на лавках, компания представителей художественной самостоятельности абсолютно маргинального вида изображала нечто бессмысленно-философское. Светлана Петровна тогда получила массу удовольствия и пищи для обсуждений. Когда ей было удобно, она со вкусом ударялась в воспоминания об этом диковатом действе, ругая родственницу на чем свет стоит. В общем, Юлька была в ее выступлениях разменной монетой и медалью о двух сторонах, и маменька с удовольствием поворачивала к Нике то одну, то другую сторону, сопровождая демонстрацию живописными и хлесткими высказываниями. Выбор стороны зависел от цели беседы.

Сегодня Юленьку снова приводили в пример.

– Может, никакой свадьбы и не будет, – утешила маму Вероника, сожалея, что пропал основной довод в пользу собственного одиночества. Теперь уже не сошлешься на разностороннюю сестрицу и не напомнишь, что, мол, у нее тоже никакого принца рядом нет.

Ничто не толкает на подвиги сильнее, чем удача ближнего. Соперничество у нас в крови, поэтому успех соседа в первую очередь вызывает желание непременно его переплюнуть.

Вероника заволновалась, что еще кто-то из окружающих ее девиц на выданье собрался под венец. А она – нет. И даже надежды на это пока не было. Это не повод бежать на поиски мужа. Но и росту самооценки чужая свадьба точно не поспособствует, особенно если у тебя даже и кавалера нет.

А кавалер у девушки должен быть обязательно. Он необходим, как сумочка! И его точно так же всегда можно поменять. Но девушка без сумочки – как лошадь без хвоста. Вроде копыта имеются, а общий вид не ахти. Вот и у женщины без мужика общий вид не ахти. Хотя что-то, но должно болтаться рядом, подавать руку, открывать двери, бормотать комплименты и изредка дарить цветы, напоминая даме о половой принадлежности.

– У тебя сейчас кто-нибудь есть? – спросила Светлана Петровна.

Вероника лишь неопределенно пожала плечами и отвела взгляд, словно маленькая девочка, втихоря слопавшая коробку конфет и теперь как бы невзначай заталкивающая следы преступления под диван. Но увернуться от маменьки, если она желала что-нибудь обсудить, было непросто.

– То есть никого, – скорбно поджала губы родительница и оглядела дочурку, как колхозник клячу, словно прикидывая: то ли откармливать ее, то ли продать и не мучиться. – И почему я не удивлена?

Вопрос был риторическим, но поднаторевшая в стычках с мамой Вероника сбила философский пафос, нарушив театральную паузу и выдав варианты ответов:

– Наверное, потому, что тебе, во-первых, не повезло с наследницей, во-вторых, я не в тебя уродилась, в-третьих, у меня нарушения в гороскопе, несовместимые с семейной жизнью.

– Зато языкастая ты в меня, – мрачно заметила Светлана Петровна и добавила: – Тебе не приходит в голову, что пора что-то менять. У матери, между прочим, юбилей скоро. Коллеги будут, родня припрется, будь она неладна, а рядом станет маячить перезревшая дочурка, засидевшаяся в девках. Как бородавка на носу! Как дыра на платье невесты! Ты сама хоть понимаешь, что это уже неприлично? Ладно мужа нет. Но когда еще и просто мужика никакого не имеется, это стыдно!

– Mam, ну не начинай! Есть много самодостаточных женщин, которые живут одни и не особо переживают. Ты, например!

– А ты что, самодостаточная? – изумилась мама. – И не надо равнять себя со мной. Я, между прочим, родила ребенка. Мне есть что вспомнить!

– Можно подумать, ты сильно обрадуешься, если я тоже рожу ребенка без мужа, – усмехнулась Ника. – Вряд ли аргумент «есть что вспомнить» примирит тебя с действительностью.

– Я тебе что, рожать предлагаю? Я просто хочу, чтобы на мой юбилей ты пришла с мужчиной! С нормальным! Чтобы я могла похвалиться, похвастаться, погордиться!

– Мне нравится твоя позиция! То есть сама по себе я фигня какая-то, и чтобы мной гордиться, тебе просто необходим довесок в виде мужика рядом. И куда я его потом дену?

– Да какая разница, Вероника! Тебе трудно сделать маме приятное? Там же Женька со своим семейством будет! Юлька небось бизнесмена своего притащит – выпендриваться! А ты одна, представляешь? И гордиться я собираюсь не довеском, как ты изволила выразиться, а тем, что моя дочь счастлива. Это самое главное в жизни – найти свое счастье. Если его нет, то давай хотя бы создадим иллюзию!

– Ладно, – покорно кивнула Ника. – Только нет у меня никого, чтобы иллюзию создавать. И вообще, до твоего юбилея еще дожить надо. Почти три месяца!

– Вот спасибо, доченька! – возмутилась Светлана Петровна. – И не надейся. Я буду жить долго, и это не последний мой юбилей!

– Да я про себя, – испуганно пробормотала Вероника. – Чего ты сразу-то?

– Так вот, про тебя. – Мама пригвоздила ее взглядом и прикусила губу, что-то такое прикидывая.

Ника ощутила себя живой тушкой, которую сейчас приговорят к супу или к котлетам. Судя по лицу родительницы, готовилась какая-то многоходовая комбинация, целью которой являлось переплевывание родни по всем пунктам.

– Не пугай, – хихикнула Вероника. – Что ты там затеяла?

– Тобой тут один мужчина интересовался. – Светлана Петровна испытующе взглянула на дочь, ожидая реакции.

– Ух ты! Мной? Мужчиной? Не может быть! Mam, ты чего от меня ждешь? Скажи сразу. Нашла кого-то и теперь хочешь подsunуть на юбилей. Нет проблем. Если я за это время никого приличного не найду, то пойду с твоим протеже и буду делать вид, будто у нас неземная любовь. Для усугубления радости могу еще и подушку под платье запихнуть.

– Не стоит усугублять! Я не понимаю, почему ты любое мое начинание воспринимаешь в штыки?

– Не любое, – возразила Ника. – Когда ты шторы в гостиной меняла, я вообще ни слова не сказала.

– Хватит! Вероника, ты невыносима! Ты боишься мужчин? Ты же ошетиливаешься, как дикобраз, стоит только попытаться тебя познакомить с кем-нибудь достойным.

– Муля, у нас разные вкусы. И соответственно разные представления о достойных мужчинах. Не надо мне их подкладывать, как магазинных цыплят к наседке. Свою судьбу я встречу сама.

– Да сколько можно?! Как ты ее встретишь, если ты практически нигде не бываешь? Ты ждешь, что жениха в окно забросят? Так у нас такой этаж, что только Карлсон мимо пролетит. Ты глянь в окно: где там твоя судьба?

Вероника послушно посмотрела и завизжала. Светлана Петровна вздрогнула и перекрестилась. За окном на веревках висел веселый чернявый парень с ведром и кисточкой. Он что-то напевал и ляпал кисточкой по стене.

– Тьфу ты! – выдохнула мама. – Что ты орешь? Нам же стены сегодня замазывают!

– Карлсон прилетел, – хихикнула Вероника. – Вот так, маманя, чего в жизни только не бывает! И даже мужик за окном – реальность.

Светлана Петровна решительно задернула шторы и повернулась к дочери:

– Не хочешь познакомиться с симпатичным инженером?

– Судя по тону, это не вопрос. Ты меня перед фактом ставишь, что я буду знакома насильно? Надеюсь, он не припрется сегодня совершенно случайно пить чай?

– С мужчинами надо пить вино, – назидательно сообщила маменька. – А чай пьют пенсионеры, закусывая баранками.

– Для закусывания баранками у них уже запас зубов не тот, – усмехнулась Ника. – Так кого ты собираешься мне притащить?

– Я пока вообще ничего не собираюсь. Я думаю. Тут есть плюсы и минусы. Но вдруг это твоя судьба? Тогда я, пожалуй, даже возражать не стану. Но в любом случае на юбилей он вполне сможет составить тебе пару. Пить побоится, вести себя будет как велено...

– Стоп, гражданка начальница! – воскликнула Вероника. – А что с кавалером не так? Чего это он у нас такой дрессированный?

– Во-первых, он у меня на фабрике работает. А во-вторых, живет в общежитии.

– Здравствуйте! Гастарбайтер у нас уже есть. Вон за окном висит, сушится.

– Хватит пререкаться, Ника! Красивый парень. Деревенский. От него дети будут здоровые. Да и ты ему нравишься. Если с ним ничего не получится, то ничего страшного. Попробуй!

– Мам, а ты вообще-то уверена, что я ему нравлюсь? Я так и представляю, как ты зажигаешь несчастного мужика бюстом в темном коридоре и шипишь: мол, а ты уверен, что будет премия? а ты не боишься работы лишиться? а тебе дочка моя нравится?

– Дурища. У тебя комплексы. Хочешь, к психологу сходим? С такой внешностью с тебя мужиков гроздьями можно было бы снимать, как клещей в весеннем лесу. А ты все ходишь, как Золушка чумакая, и гоняешь фею поганой метлой. Он первый подошел и спросил про тебя. Видел он тебя у проходной. Понравилась, говорит, очень. Познакомиться хочет. Он ничего – прямой, честный. Так и сказал, дескать, не подумайте чего. Я с серьезными намерениями.

– Муся, тебя как владелицу городской квартиры серьезные намерения мальчика из общежития должны были насторожить в первую очередь, – заметила Вероника. Хотя посмотреть на кавалера уже хотелось. Кто его знает, может, и правда влюбился?

– Как ты надоела-то! Будь увереннее в себе. Не понравится – пошлешь его лесом, и все дела. Тебе сложно с парнем в кино сходить? – поморщилась Светлана Петровна.

– Такое чувство, что ты меня сбавливаешь!

– Правильное чувство. Если я тебя не сбаврю, то мы так и состаримся вместе. А я хочу по отдельности. Мне еще свою жизнь надо устроить. А пока у меня дочка мотается не при деле, я не могу заняться собой. Ясно?

– В общих чертах, – кивнула Вероника, решив не уточнять, как маменька планирует устраивать жизнь, если у них поселится еще и веселый парень из общаги. Или она решила выпихнуть в эту общагу родную кровиночку?

– Будешь знакомиться? – прервала ее сомнения родительница.

– Ну давай, попробую. Только позднее. Пока я не готова.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.